

Глава 20. Быкоголовый и Лошадиная морда (IX)

Цэнь Сяолу вытянул листок рисовой бумаги. Он был измят, сплошь покрыт густой вязью иероглифов, выведенных кистью.

— Это написал Лу Цифэн? — Чан Я придвинулся ближе, вчитываясь в строки вместе с товарищем.

«Цинлин, я в полном смятении. Горько сознавать, что даже наша затея с «быкоголовым и лошадиной мордой» не помогла — твои родители всё так же непреклонны. Ты притворилась испуганной, надеясь через слова даоса расторгнуть брак, навязанный матерью. Мы уповали на то, что «несовпадение восьми иероглифов судьбы» пробудит в ней жалость и освободит тебя от постылых уз. Но теперь, когда всё зашло так далеко, я содрогаюсь от мысли, что попросту недостоин тебя. Твои отец и мать никогда не дали бы благословения. Вначале наша решимость была тверда, но время идет, и ты призналась, что сердце твое не на месте — ты больше не в силах лгать матери. Цинлин, неужели мы совершили ошибку? Если ты так считаешь, то виноват ли я? Я мучительно искал выход и не находил его. Между нами слишком глубокая пропасть, и добром это не кончится. Я был неправ: план с «быкоголовым и лошадиной мордой» — лишь плод моих несбыточных грез, пустой призрак. Если хочешь во всём повиниться перед матерью — кайся, не давай своей совести терзаться. Я больше не стану тебя неволить. Цифэн уходит неприкаянным, возвращаясь в лоно неба и земли. Не поминай лихом».

— Это... — Чан Я несколько раз перечитал предсмертное письмо, и на душе у него становилось всё тревожнее. — Если верить Лу Цифэну, то «быкоголовый и лошадиная морда» были лишь уловкой, которую они придумали вместе с барышней Шуй? Но постойте!

Он снова пробежал глазами по тексту.

— Тут что-то не сходится. Дух и душа барышни и впрямь находятся на грани угасания. Будь это простое притворство, разве дошло бы до такого?

— Одним спектаклем это не объяснить, — Цэнь Сяолу сложил письмо и спрятал его в рукав. — Помнишь, что рассказывала Чуаньянь о Лу Цифэне? Этот человек не похож на того, кто свел бы счеты с жизнью по причинам, изложенным в письме.

— Не знаю, — вздохнул Чан Я. До этого случая дела по призыву духа никогда не были столь запутанными. Обычно причины болезни лежали на поверхности, здесь же события сплетались в тугий узел, и за ними тянулся шлейф смерти. Происходящее уже выходило за рамки его прежнего опыта.

— Возвращаемся, — коротко бросил Цэнь Сяолу.

— А?

— Дождемся утра, когда откроется лавка ритуальных принадлежностей.

Встретившись взглядом с Цэнь Сяолу, Чан Я уверенно кивнул. Лу Цифэн умер в своем доме, всеми забытый и одинокий. У них не было обязательств перед покойным, но человеческий долг велел помочь с похоронами.

Прежде чем уйти, они перенесли тело Лу Цифэна на кровать, плотно притворили двери и покинули дом.

***

Вернувшись в поместье Шуй, они разыскали управляющего Чжэна и рассказали о смерти Лу Цифэна. Выслушав их, Чжэн изобразил на лице глубокую скорбь, смешанную с гневом:

— Ах, этот Лу Цифэн! Сгубил нашу барышню, ирод! Какое же сердце нужно иметь, чтобы подговорить её на такой обман матери... Что ж, поделом ему, кара небесная настигла грешника!

Чан Я понимал чувства управляющего, пекшегося о здоровье госпожи, но Лу Цифэн был мертв, и чувства его к Цинлин явно были искренними. Если верить письму, история с призраками была лишь их общим планом, и дух и душа барышни не должны были пострадать по-настоящему. В этой истории оставалось слишком много темных пятен, а управляющий уже поспешил взвалить всю вину на покойного.

— Не стоит судить столь сурово... — начал было Чан Я, желая возразить.

Но Цэнь Сяолу мягко, но властно перебил его:

— Управляющий Чжэн, вы знали о существовании Лу Цифэна?

Тот, будучи человеком опытным и знающим себе цену, мгновенно взял себя в руки.

— Не знал. По правде говоря... — Чжэн заколебался, но всё же продолжил: — Хозяин и госпожа уже давно помолвили барышню.

— Вот как? — Чан Я тут же забыл о своей досаде на Цэнь Сяолу. Новые обстоятельства мгновенно захватили его. — И кто же жених?

— Старший сын господина Чжана, Чжан Цзэ, — управляющий тяжело вздохнул. — Теперь эта помолвка — лишь пустые слова. Господин Чжан официально ничего не заявлял, но, видя плачевное состояние нашего дома, они перестали поддерживать связь. К тому же молодой господин Чжан... — Чжэн замялся, помрачнев. — Впрочем, не будем об этом.

— Могу я спросить, что сейчас происходит в поместье... — осторожно начал Цэнь Сяолу.

Чжэн лишь качнул головой:

— Пока госпожа здесь, барышне ничего не грозит. Всё еще наладится.

Цэнь Сяолу понял, что управляющий не намерен откровенничать. Он не стал допытываться и, попрощавшись, увлек Чан Я в их покои. На столе их ждал ужин, присланный слугами по распоряжению Чжэна.

Закончив трапезу, они рано легли спать. Завтра предстоял тяжелый день: нужно было вернуться в Ифэйло, чтобы устроить похороны Лу Цифэна, и разыскать того самого Чжан Цзэ, о котором упоминал управляющий. С этим человеком явно стоило познакомиться поближе.

Едва забрезжил рассвет, Цэнь Сяолу уже был на ногах и собирал вещи. Когда Чан Я закончил свои приготовления, они выехали из поместья на повозке. Первым делом остановились в городке у лавки ритуальных принадлежностей. Получив плату, хозяин отправил подмастерьев в дом Лу в Ифэйло.

Поскольку у Лу Цифэна не осталось родных, единственным близким ему человеком был старейшина Фу из академии Минли. О такой беде следовало сообщить учителю. Поэтому, покинув лавку, они направили коней к академии.

Старейшина Фу вел урок, и юный послушник проводил гостей в боковой зал. Чан Я чувствовал себя подавленным. Он достал дорожную тетрадь и перечитал записи — всё, что удалось узнать о деле барышни Шуй с самого начала. Собранных сведений всё еще не хватало, чтобы понять истинную причину её болезни. Предсмертная записка Лу Цифэна, казалось, давала ответ, но лишь плодила новые сомнения. Чан Я ощущал, что зашел в тупик.

— Цэнь Сяолу, помнишь, управляющий говорил, что барышня Шуй поссорилась с матерью? Сдаётся мне, всё из-за Лу Цифэна. Барышня любила его, а госпожа Шуй навязывала ей этот брак с Чжан Цзэ.

— Верно. Об этом стоит расспросить саму госпожу. Если она решится на откровенность, мы узнаем гораздо больше.

Чан Я захлопнул тетрадь и спрятал её за пазуху, подперев щеки ладонями.

— Трудное выдалось поручение. Интересно, как там дедушка?

Цэнь Сяолу подошел к нему и положил руку на плечо:

— Будем решать проблемы по мере их поступления. Пустая тревога делу не поможет.

— И то верно, — Чан Я приободрился.

Вскоре урок закончился, и в зал вошел старейшина Фу. Чан Я не решился заговорить первым, и Цэнь Сяолу сам поведал учителю о трагической участи его ученика. Старейшина Фу побледнел, задрожал и пошатнулся, едва не рухнув, если бы не вовремя подхвативший его за локоть служка.

— Не может быть... Не может быть... Цифэн... — бессвязно шептал старик.

Скорбь — чувство заразительное. Чан Я ощутил, как сердце сжалось от чужой боли, острой и почти невыносимой. Заметив его состояние, Цэнь Сяолу заслонила товарища собой и почтительно поклонилась старейшине:

— Примите наши соболезнования. Пожалуйста, держитесь.

— Скорее... Ведите меня к нему... Я должен видеть Цифэна! — старик дрожащим пальцем указал на Цэнь Сяолу.

— Учитель, учитель, пощадите себя! — взмолился служка. Старейшина был слишком слаб для таких потрясений.

— Старейшина Фу, не беспокойтесь, — твердо произнес Цэнь Сяолу. — Наш наставник — лекарь, призывающий дух. Раз уж мы нашли его, мы доведем дело до конца и устроим достойные проводы. Сначала успокойтесь. Мы уже отправили людей из лавки, а сами с Чан Я сейчас едем в Ифэйло. Мы пришлем вам весть чуть позже.

<http://bllate.org/book/17545/1712403>